
РОТОНДА

# Дмитрий Последний
# ПП: Ротонда

*https://litres.ru/74734143*
*SelfPub; 2026*

## Аннотация

Санкт-Петербург, 2198 год. Астероид Бенну упал шестнадцать лет назад, и почти все, кто выжил, давно живут за городской чертой, в специальных лагерях. Город достался Извергам. Кто они такие, не знает никто.

Пятеро Белых, замотанных в бинты от ладоней до локтей, идут из подвалов Зимнего дворца к Ротонде, месту, о котором шепчутся слишком давно. Их ведёт проводник из общины «Апостол», весёлый Адмирал, который знает Питер лучше любой карты. Дорога считается безопасной.

Утром в отряде на одного человека меньше.

«ПП: Ротонда» — рассказ из цикла «Истории Праведного Пути». Читается отдельно от основного сюжета.

# ПП: Ротонда

## АКТ I

Этот вечер мне запомнился целиком. Каждую шутку, каждую банку тушёнки, каждую искру из бочки. Потом я много раз пытался найти в нём трещину, хоть одну примету, хоть один взгляд с двойным дном, и не находил. Тогда нам было просто хорошо. Я до сих пор не понимаю, как такое может быть.

Мы встали на ночь на втором этаже бывшей аптеки. Внизу всё давно растащили: стеллажи, витрины, даже кафельный пол местами вскрыли до бетона. Наверху уцелела одна комната с целым окном.

Мы заколотили его фанерой, развели огонь в ржавой бочке и сели вокруг. Снаружи шёл дождь, ленивый, мелкий, и вода капала с крыши в подставленное ведро. Кап. Кап. Я поймал себя на том, что считаю эти капли. Свой нож, короткий, с рукоятью, перемотанной изолентой, я заткнул за пояс, как делал каждый вечер.

*— Нет, я вам скажу, как это выглядит со стороны, —* Петя ковырял ножом в консервной банке и говорил с наби-

тым ртом, не заботясь, слушают его или нет. — *Идёт по Питеру пять человек, замотанных в тряпки с головы до ног. Идут цепочкой, молчат, у каждого лицо такое, словно он опаздывает на собственные похороны. И я думаю: ну всё, мумии. Откопали фараонов, ведут показывать. Я, между прочим, человек наблюдательный, я Адмирал, у меня глаз намётан. Если бы вы мне при первой встрече не дали своих банок, я бы вас сдал первому же патрулю как экспонаты.*

— *Мы не мумии,* — сказала Маша, не поднимая головы. Она перематывала бинт на запястье, туго, в три оборота, как всегда. — *Мы Белые. Бинты нам выдают, потому что чистой ткани в городе больше, чем белой краски. А мумиями нас зовут люди, которые ничего не понимают.*

— *Вот и я о том же!* — Петя ткнул ножом в её сторону. — *Люди ничего не понимают, а ты, Маш, обижаешься на них. Свят, тебе вот не обидно?*

Святослав сидел ближе всех к огню, подтянув колени. Совсем мальчишка: двадцать с небольшим, тёмные вихры торчат из-под повязки. Он что-то крутил в пальцах и не сразу поднял голову.

— *Мне нет. Мне вообще нравится. Мумия, это же значит, что тебя берегут. Заматывают, чтобы не рассыпал-*

*ся, понимаете? У нас дед так говорил про бинты: они душу держат. Пока на тебе чистая ткань, душа внутри. Я, когда на мосту гвоздь оставлял, подумал: хорошо, что я замотан. Река хоть и берёт плату, а меня не получит, я на пломбе.*

— *Гвоздь,* — тихо повторил Паша. Он сидел на корточках у стены, смуглый, с острым любопытным лицом, и в свете бочки его глаза казались двумя блестящими пуговицами. — *Скажи ещё раз, как это правило. Если не оставишь что-то своё на переправе, то чего?*

— *То река заберёт кого-нибудь из отряда. Не обязательно тебя. Просто кого-нибудь.*

— *А откуда она знает, что ты оставил, а что нет?*

— Паш, — Илья даже не поднял головы. — *Какая у воды память-то. Есть поверье, и люди из-за него осторожнее. Положил гвоздь, поверил, всем спокойнее. Банальная плата.*

Святослав улыбнулся и поднял руку. Между пальцами блеснуло что-то мелкое, металлическое.

— *У меня ещё один есть. Ну, на крайняк.*

Все рассмеялись, и я тоже. Помню, как смех гулко отдался в пустой аптеке, как дрогнул огонь. Помню, как Петя швырнул в Святослава пустой банкой и промахнулся. Мне было тепло. Только руки почему-то мёрзли, хотя я держал их над самой бочкой.

— *А про Тихих вы, значит, не слыхали,* — сказал Петя, и по тому, как он отложил нож и подался к огню, я понял, что сейчас будет представление. Он любил такие минуты. Лицо у него менялось: шутовство уходило, оставалась мягкая, почти ласковая улыбка. С такой улыбкой сказки вряд ли рассказывают. — *Ну вот. Это не мои выдумки, это мне Рондо рассказал, а ему рассказал человек, который лично ходил. Идёшь ты, значит, по улице. Один или с отрядом, неважно. Идёшь и слышишь, что шагов стало на один больше. Не то чтобы громко. Ровно так, чтобы ухо заметило, а голова отмахнулась: показалось, эхо. А это не эхо. Это идёт кто-то рядом, на расстоянии вытянутой руки, и шаг в шаг с тобой. Подстраивается. Дышит, когда ты дышишь. Изверг, понимаете? Но не такой, как те, что в вентиляции воют и просятся наружу. Эти умнее. Эти ждут. И правило у них одно: пока не оглянешься, они ничего тебе не сделают. Идут и идут, как верная собака. Может, километр, может, весь день. А как только повернёшь голову и увидишь его лицо…*

Он замолчал. Бочка потрескивала. Дождь за фанерой на

минуту стих, и в этой тишине я отчётливо услышал, как внизу, в разорённом зале аптеки, что-то тихо хрустнуло. Стекло, подумал я. Битое стекло под чьей-то осторожной подошвой.

— *…то что?* — шёпотом спросил Паша.

— То ничего, — Петя пожал плечами и сам же расхохотался. — *Я так и не выяснил. Рондо говорит, никто не возвращался рассказать. Зато вывод хороший: идёшь по городу, слышишь лишние шаги, не оборачивайся и громко пой. Они, говорят, песен не любят.*

— *Ты это сейчас придумал,* — сказала Маша.

— Да ей-богу... клянусь тельняшкой!

— Нет на тебе никакой тельняшки.

— Вот именно, я её отдал в залог. Поэтому ещё и не могу соврать.

Святослав смеялся до слёз, закинув голову, и в этот момент его горло дёрнулось так живо, так по-человечески, что я зачем-то запомнил этот звук.

— *Федь, а ты чего молчишь?* — он повернулся ко мне,

вытирая глаза запястьем. — *Ты у нас самый серьёзный. Скажи: если бы за тобой правда шёл Тихий, ты бы обернулся?*

Я посмотрел на огонь. На свои руки, туго обмотанные от ладоней до локтей… как у всех нас. Кроме Пети: он был просто нашим проводником. Под самым слоем бинта что-то привычно зудело, и я не стал чесать, чтобы не привлекать внимания.

— Нет, — сказал я. — *Не обернулся бы.*

— *А чё так?*

— *Потому что если он идёт рядом, значит, я ему зачем-то нужен. А пока я не знаю зачем, я лучше пойду дальше.*

Они засмеялись, решив, что это шутка. Один Илья посмотрел на меня чуть дольше, чем нужно, потом отвёл глаза и принялся шуровать в бочке палкой.

Несколько минут никто не говорил. Дождь скрёбся по фанере, огонь в бочке оседал и вздыхал, и по стенам медленно ходили наши тени, огромные, ломаные, и казалось, что нас втрое больше. Первым не выдержал Паша.

— *Я всё про коридор думаю,* — сказал он, не поднимая глаз от рук. — *Про тот, где мы днём шли. Столько лет живу в этом городе и не знал, что под железной дорогой целый дом. С комнатами, с дверями. И в каждой хоть кто-то, но есть.*

Днём мы спустились в подземный переход, бетонную кишку метров в сто, где по обеим стенам тянулись ржавые решётки, а за ними бывшие подсобки и склады. Света не было. Петя вёл нас вдоль левой стены, шепча, чтобы мы не светили фонарями и не дышали громко. Изверги, сказал он, полуслепые, но слышат, как собаки. И правда: из-за решёток доносился звук, который я не сразу сумел назвать, потому что он был слишком обыденным для этого места. Так дышит человек во сне, когда ему снится дурное: тяжело, со всхлипом на вдохе. Только дышали не один и не двое. Их было много, и дышали они вместе. На прутьях, там, где свет из дальнего выхода доставал до железа, виднелись длинные борозды. Кто-то годами проверял решётки на прочность, понемногу, каждый день. И ещё были ботинки. Вдоль стен, у самых решёток, стояли детские ботинки, сандалии и кеды, аккуратно, парами, носок к носку, как стоят у порога перед сном. Десятки пар.

— *Чьи они, Адмирал?* — спросил Паша. — *Кто их ста-*

*вит?*

Петя перестал улыбаться. Несколько секунд он молча смотрел в огонь, и лицо у него стало старше.

*— Родители,* — сказал он наконец. *— Мне Рондо рассказывал, а он знал человека, который каждую неделю туда ходил. Когда ребёнок заражается, его запирают, потому что больше некуда: домой нельзя, на улицу нельзя. Сначала он ещё говорит. Плачет, зовёт маму, просит пить. Мама стоит у решётки и держит его за руку сквозь прутья. День, два, неделю. А потом наступает вечер, когда он перестаёт звать и только дышит и смотрит. Тогда она ставит у решётки его обувь. Аккуратно. Чтобы было во что обуться, когда он выздоровеет. Они все верят, что выздоровеют, Паша. Это единственное, во что там ещё верят. Поэтому они и шепчут «тёплые». Ты думаешь, это про свежее мясо? Нет. Для них тёплое значит живое, значит родное. Они ждут, что кто-то придёт и скажет: пойдём домой, всё прошло. Я бы на их месте, наверное, тоже шептал.*

Было слышно, как в ведре капает вода.

*— Мне одно слово сказали, пока я проходила,* — тихо сказала Маша, и пальцы её замерли на бинте. *— Я не разобрала какое.*

*— Они всё время что-то говорят,* — отозвался Святослав. Он зевнул, чтобы не сказать лишнего. *— Главное не отвечать. Ответишь, и ты для них участник разговора. А участников они не отпускают.*

Я промолчал. Слово, которое сказали мне, было другим. Короче, чем у Маши. Его сказали чисто и спокойно, как здороваются со знакомым на улице. Лицо у решётки было серое, как мокрая бумага, а глаза затянуты белёсой плёнкой, и повернулось оно именно ко мне. Я шёл, смотрел под ноги и считал шаги, а слово скользило по спине, как холодная капля за воротник. Никому из них я его не повторил. И не собирался.

*— Но самое интересное случилось потом,* — Петя встряхнулся, как мокрая собака, и в голос вернулась обычная звонкая бодрость. *— На мосту. Вы же, мумии мои, в воду не смотрели. Ни один. Я за вами следил, у меня опыт, я на трёх мостах людей проверял. Первый всегда косится вниз, хоть на секунду. А вы шли по самой середине, будто мост минный. Пятеро взрослых людей, один за другим, с глазами в небо.*

Канал мы увидели, как только вынырнули из перехода на свет. Вода в нём была не серой и не зелёной, как у любой

старой городской воды. Она была чёрной, густой и непрозрачной, и не отражала ни неба, ни ржавых перил моста над собой, а только делала вид. Стояла так неподвижно, что казалась асфальтом. Ни одной птицы над ней, даже ворон. Петя тогда сказал, что чёрная вода показывает скрытое: заглянешь в неё и увидишь не своё лицо, а то, что прячешь от себя. Илья ответил, что это нефть и мазут от заправок, плёнка толстая, оттого и не колышется. Мы согласились с Ильёй, а вниз никто не посмотрел.

— *Мы не любим глубину,* — быстро сказал Илья.

— У меня морская болезнь, — отмахнулся Паша.

— Я просто не умею плавать, — сказала Маша.

— А мне нефть противна, — Святослав подмигнул, и вышло это у него чересчур легко, словно отрепетировано. — *Эстетически.*

Петя улыбнулся так, что слёзы выступили.

— *Эстетически! Вот это отряд! Ладно, молчу. Зато я поглядел. Адмирал, тельняшка в залоге, терять нечего. И знаете, что я там увидел?*

Он выдержал паузу, оглядел нас по очереди, и мы подались к нему.

*— Себя. Только с усами. Красавец! Теперь я знаю, что мне надо отрастить. Вот вам вся мистика...*

Мы грохнули хохотом, и Святослав, согнувшись пополам, бил ладонью по колену. Потом смех угас, как гаснут искры над бочкой, и Петя, потирая шею, добавил уже тише, будто и не нам:

*— Правда, когда мы с моста сходили, мне показалось, что по воде за нами шла полоса. Ровная, прямая, как от лодки. Только лодки не было… Да не, ерунда, плёнка колыхнулась. Забудьте.*

Никто не забыл. Но никто и не стал спрашивать. Потом мы допили чай и пересчитали патроны. Илья, как перед каждым сном, обошёл нас с лампой и проверил бинты: каждому запястья, шею, край повязки у горла. В Зимнем так делали перед каждым выходом. Одно тёмное пятно на ткани, и разговор у печи, после которого человека больше никто не видел. Петя называл это «санитарной проверкой» и каждый раз отворачивался. Лампа задержалась на моей руке на секунду дольше, чем нужно. Илья ничего не сказал и пошёл дальше. Проверять самого Илью никто не пробовал. Потом

мы долго спорили, кому достаётся первая вахта. Святослав вытянул длинную спичку и с театральным стоном повалился на матрас, закинув руки за голову.

— *Спокойной ночи, Федя,* — сказал он, уже зевая. — *Если что, у меня гвоздь под подушкой.*

Я лёг к стене. Снаружи дождь пошёл снова, ровный и ленивый. Кап. Кап. Где-то внизу, в мёртвом зале аптеки, прокатился по полу камешек, и я решил, что это крыса. Я насчитал сорок три капли. Сорок четвёртая не упала. Я ещё успел подумать, что дождь кончился, и уснул, так и не услышав ничьих лишних шагов.

## АКТ II

Я проснулся от тишины.

В ушах стояла такая пустота, что я сначала подумал, будто оглох. Дождь кончился. Ведро в углу больше не отсчитывало капли, бочка остыла, и в комнате пахло золой и сырым бетоном. Сквозь щели в фанере сочился серый свет, плоский, без теней, и всё вокруг казалось нарисованным углём на мокрой бумаге. Петя сидел посреди комнаты на корточках. Он держал вахту последним и теперь не двигался, только смотрел

перед собой, и по тому, как он смотрел, я понял всё раньше, чем повернул голову.

Матрас Святослава лежал у противоположной стены. Одеяло было откинуто на одну сторону аккуратно, как откидывают, чтобы встать. Подушка сохранила вмятину. Рядом стояли его ботинки, зашнурованные, носками к стене, рядом лежал рюкзак, а поверх него автомат, с которым он не расставался даже в нужнике. Я наклонился и коснулся простыни. Она была холодной. Ледяной, как камень в погребе: на ней никто не лежал много часов. А там, где под подушкой должна была быть его рука, из доски торчал гвоздь. Прямо, глубоко, по самую шляпку вогнанный в старое дерево. Я пытался представить, чем его можно было так вбить. Молотка у нас не было...

— *Я его видел в пять,* — сказал Петя. Голос у него был чужой, плоский. — *Я за вами всеми смотрел, я Адмирал, я привык. Встал, обошёл комнату, постоял над каждым. Он лежал. Дышал. На боку, лицом к стене. Я ещё подумал: вот сопит, паразит, как младенец. Потом сел на место. Дверь на виду, окно на виду. Я не спал, Федя, я не мог уснуть, я клянусь... А в шесть встал снова, и его нет!*

— *Дверь?* — Илья уже стоял на ногах, и лицо у него было такое, какого я ещё не видел: без всякого выражения, как у

человека, которого заставили считать в уме.

*— Стул под ручкой, как мы поставили. Лестница, пыль. Я сам вчера на ней наследил, помните? Следы мои и ваши. Больше ничьих. Окно заколочено. Пол…*

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.